

Михаил Жванецкий
Собрание произведений в пяти
томах
Том 5
Двадцать первый век

В эту пятую книгу вошли трактатики, написанные после 2000 года. Спасибо издателю, отдельное спасибо Виталию Наумовичу Борисову за помощь и Олегу Леонидовичу Сташкевичу за содействие в распределении сил.

Автор



Двадцать первый век

В эту пятую книгу вошли трактатики, написанные после 2000 года. Спасибо издателю, отдельное спасибо Виталию Наумовичу Борисову за помощь и Олегу Леонидовичу Сташкевичу за содействие в распределении сил.

А в т о р

Куда-то в две тысячи... год

Мы дожили, это главное. Мы на перепутье, мы не можем стать такими, как другие, нас многое отличает. Мы лежим, сидим, валяемся, но на правильном пути.

На пути, которым прошли все. Здесь нет ошибки. Бандитизм, проституция, воровство и продажность — расплата за мир. Войной можно все это уничтожить, мир все это допускает.

Свобода поначалу имеет такое выражение лица. Нам продают то, что мы покупаем. Значит — мы такие. Продавцы лживы и лукавы. Но у них есть свои продавцы. Нам открылся другой мир, где мы — спрос. Мы и формируем то, что нам показывают и продают.

Но нормальная жизнь в нестоптанных туфлях с сытым желудком — уже здесь. Мы открыли дверь и вошли в нее. Каждому есть что делать. Один снимет кино, второй смотрит. Таков расклад.

Расплата за богатство: изоляция, охрана, стресс и риск не вернуться домой.

Расплата за бедность — масса свободного времени, любовь, дружба, легкое перемещение в пространстве и мечта разбогатеть, чтобы отведать сказанное выше.

Есть еще артисты, мотающиеся по клубам всю новогоднюю ночь, выходящие с двумя шутками и одной песней тридцать два раза за ночь. Кто им завидует — тоже плохо знает жизнь.

Исчезла дружба, появились конкуренция и скрытность, потому что один стал резко отличаться от другого. Однако есть возможности у всех, при наличии мозгов или мышц можно жить где хочешь.

При отсутствии этого — можно жить только здесь, выбивая зарплату хитростью или голодовкой.

Можно осесть на своей земле, понять и возделывать ее, чтобы не созерцать чужие моллюски в кляре и чужое вино, от которого не одна истина рождается в споре, а две. Поэтому пить, есть и целовать нужно только свое.

Наш человек задачу любит, а непосильную задачу

просто обожает, что показал опыт строительства социализма в отдельно взятой стране. Ну ничего особенного не построили, но имидж в мире себе здорово подняли. Хотя и отстали в обеспечении друг друга продовольствием, обувью и одеждой. Поэтому на БАМ ездили не только по велению сердца, но также и жены, пославшей мя.

БАМ стоит, Братск стоит, Колыма зовет, все ждет практического применения.

Разбогатевшие люди нас раздражать не должны, только на их фоне мы чувствуем себя честными и порядочными, если это еще кому-то нужно.

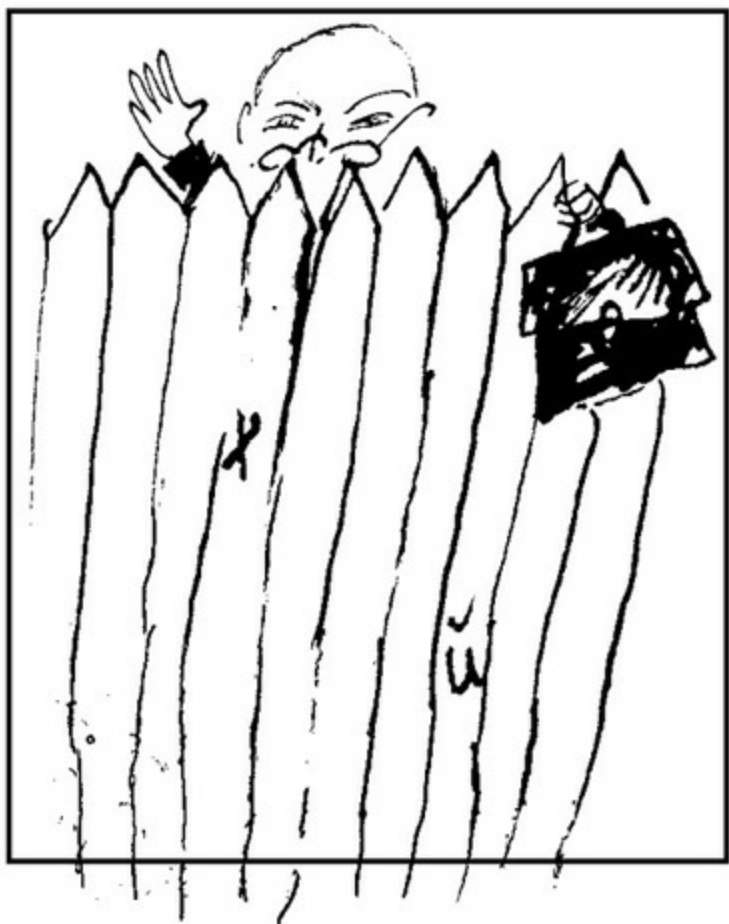
Кроме совести, литературы, балета и прочих непрактичных достижений, у нас есть главное, что должно нас накормить и одеть — у нас есть наша страна, к штуцерам и шлангам которой припала масса цивилизованных народов. У нас есть земля, которая была ничьей и так же выглядела. Настоящая семья — это муж, жена, дети и их земля. Они хозяева не «на этой земле», как писали раньше, а «этой земли». Чтобы было, что передать детям. Когда нет своей земли, мы как мухи на куске мяса — «кыш!» — и взлетели. «Пошли вон отсюда» — и пошли вон отсюда далеко-далеко, где что-то можно купить за свой ум или тело. Выпьем за привязанность к стране, за превращение страны в Родину, за минимум контактов с властью, с медициной, с милицией, с прессой, с телевидением, со всем, где можно узнать то, чего мы не хотим. Август вычеркнем из календаря, пусть будет июль-два, лишний летний месяц нам не помешает.

Мы видим, что происходит, если кому-то мешать жить на этой земле: у нас все время идет бессмысленная и показательная война.

Ценности остаются прежними: ум, порядочность, ребенок, мысль. И счастье — когда ты из дома спешишь на работу, с работы спешишь домой.

А неприятности будем переживать по мере их поступления, а еще лучше не переживать, а идти дальше.

Ибо сегодняшняя цель ясна: там уже живут.



Радость нашего времени

Что с раем?

Я обнаружил в наши дни весьма печальное явление: люди перестали стремиться в рай.

То ли потому что он недостаточно красочно обрисован.

То ли потому что описание его недостаточно конкретно.

Ад понятнее.

А рай: птицы, аромат, равенство, житие по потребности, всеобщее благоденствие и братство...

Что-то нам напоминает.

Как бы не то что мы там будем, а как бы даже уже были.

Отсюда отсутствие стремления, недоверие к высшей власти.

Как-то что-то надо переработать в исходных данных.

Настолько мы уверены, что это невозможно осуществить, что многие, если не все, начинают работать в одиночку, пытаясь достигнуть райского состояния дома, невзирая на скандалы, порочное распределение средств и появление врача в неурочное время.

Рай — учат нас — блаженство коллективное, вот ад — наказание индивидуальное.

Но наши люди, прошедшие через это все, утверждают, что именно ад — решетки, зоны и так далее — дело коллективное.

А рай — как странно! — занятие частное, индивидуальное, внутри забора, внутри дома, путем отсекаания ненужных глаз, сообщений и «последних известий», которые не становятся последними, невзирая на собственные обещания.

Подумайте, что вы можете предложить человеку на лыжах, в самолете, с самолета на вертолет, с вертолета на снежный склон, со склона во французский ресторан на жарком берегу с любовницей вместо жены...

Что вы в раю ему придумали?

О Боже!

Там вообще нет женщин в том виде, как мы к ним привыкли.

Они там собеседницы, библиотекари, сотрудницы собеса.

Они там наконец на равных.

А это, извините, для кого?

Не надо никому принадлежать.

Мы и сейчас не верим: «Я твой», «Твоя», «Навеки!»

У любви часы совсем другие.

Но у любви!..

Сейчас твоя — сейчас и наслаждайся.

Любить бы надо.

Боюсь, там нет любви, чтоб избежать скандалов, дуэлей.

Прогулки коллективные, беседы.

О чем?

Когда все ясно.

Все истины добыты в спорах на земле.

Там же споров нет.

Там для спокойствия в библиотеке три тонких тома.

Первый — Истины.

Второй — Законы.

Третий — Сути.

Денег нет.

Сел к стойке — выпил.

Не опьянел.

Добавил — тот же результат.

А чем снять скуку?

Свалился тут же на диван, уснул, приснился сон —
проснулся:

— Да!

Заснул.

Проснулся:

— Да! Я там же. Я во сне.

Проснулся, не проснулся.

Застрелиться невозможно.

С Достоевским переговорил.

Хотели что-то умное, но истины уже известны, сути
названы, конфликтов нет.

Федор Михайлович сидит в углу, угрюмый.

На ваше: «Здрасьте, я в восторге от последнего сериала» —
не ответил.

Шагал рисует и практически выбрасывает в урну...

Нечего сказать, хорош рассвет в конце тоннеля.

Единственное — тишина!

Ну, молодежь покойная там что-то подобрала, включила и
трясется под стуки мельничного колеса.

Такая вот теоретическая жизнь.

Кому ее навяжешь?!

И люди, особенно прошедшие борьбу за благосостояние,
равенство и братство в СССР, сказали:

— Стоп! И помолчи!

Дай разберусь! Дай заработаю! Другим дам заработать.

Куплю, чего там движется, баюкает, стрижет, купает,
гладит, полощет, массирует, целует, улетает, перелетает из

зимы в жару, готовит вкусные обеды, красивый стол на пляже, где море, пальмы, баобабы.

Дай поупотребляю, почувствую и подготовлюсь.

А ты пока там поработай над раем — придумай что-то нам такое, что мы не знаем.

Какую-то такую фишку, штучку, обстановку, чтоб мы туда стремились.

И стали, начиная с сентября, порядочными, добрыми, красивыми душевно.

И, душу чистую в руках неся, сказали: «Отвори, Всевышний! Это я — придурок со своей душой. Ты знаешь, то ли был прибой, то ли волна, а я на серфинге в Гавайях, и, представляешь, смешная штука — утонул. В общем — здравствуй! Как бы, типа, — добрый день!»

Менеджерам России

Речь на съезде

Начинаю разговор.

В нашей речи при прежней жизни мат шел на каждом восьмом слове, сейчас на каждом четвертом. Значит, резерв для улучшения жизни еще есть.

Разрешите мне от моего имени приветствовать съезд лучших менеджеров России.

Удивительно, как наша жизнь почти бескровно поменялась на прямо противоположную, где менеджер — это профессия, а директор — положение в обществе.

Где менеджер может руководить баней, театром, банком и заводом.

Где слово «спекулянт» стало работой, а не увлечением.

Слово «бизнес» уже не означает торговлю джинсами в подворотне. И даже подпольную окраску пенсионных штанов в синий цвет. А шитье джинсов на фабрике, со станками и подъездными путями.

Как время поменялось на прямо противоположное бескровно!

Отдадим должное Ельцину, Гайдару, Чубайсу и другим нашим, ставшим вашими, то есть топ-менеджерами.

Топ, топ-топ, топ-топ-топ — не так уже долго, тринадцать лет.

И другое поколение заполонило вокзалы и кафе.

Я и говорил когда-то: главное — обеспечить всех штанами, потом будем бороться, чтобы их носили.

Я понимаю всех, кто хотел отвести этот корабль подальше от коммунизма в море — там разберемся.

Правильно, Анатолий Борисович.

И пусть сейчас крики: «Неправильно! По дешевке! Воровская приватизация!»

Но мы-то уже не там.

Мы в море.

Где плывут все, а не сидят с криком на берегу: «Покажите нам дорогу!» — причем кричат, сидя неподвижно.

Но надо объяснять людям, что с нами происходит и что нас ждет.

А наша публика особая.

Сколько я просил со сцены:

— Давайте вместе. Вот я читаю монолог, а потом все вместе: «Нормально, Григорий? — Отлично, Константин!»

Как я ни надрывался — зал молчал.

Зато в антракте все:

— Нормально, Григорий? — Отлично, Константин!..

Через год придет человек и скажет: «Как вы правильно сказали летом прошлого года!»

На вашу долю достался тяжелый неповоротливый паровой рыдван.

Все вокруг бороздят на дизелях и турбинах, а эта глыба со свистком долго стоит на месте, хотя все на мостике кричат:

— Полный вперед! Я сказал — полный вперед!.. Я кому сказал?!

Снизу:

— Вот кому ты сказал — пусть и едет! Он уволился давно. Он, сука, уехал. Он семечками на Брайтоне давно торгует, а команды ему поступают.

— Я сказал — полный вперед!

— Это на такой зарплате — полный вперед? Ищи другого идиота!

Уголь с парохода разворовали. Руль ушел на металлолом. Винты на бронзу...

Кстати, как изменилась жизнь — все достижения советской власти успешно идут по цене металлолома. Значит, не напрасно мы вкалывали столько пятилеток.

Вот вам достался пароход с такой командой, пугливым бизнесом и бесстрашной прокуратурой, которая, с одной стороны, находит все что хочет, а с другой — ничего не может найти.

Вам достались начальники, как камни на своих местах.

У него в глазах написано:

— Без меня вам нельзя, а со мной у вас ничего не выйдет.

Выбирайте.

Это Россия — страна неограниченных возможностей и невозможных ограничений.

Страна, где все делается через палку в колесе под завистливым взглядом братьев по разуму: «Попробуй, попробуй, а вдруг у тебя ничего не получится?»

О чем говорить, когда наших нобелевских лауреатов выдвигают не свои, а зарубежные ученые.

Понятна атмосфера добра и поддержки.

Все хорошее у нас приходится делать через проклятия.

Но в антракте — вас вспомнят все.

Что касается управляющих, то на русской земле их было два типа: самодуры и самородки.

Первые только что были и не устают проклинать вас со

всех площадей, вторые — в этом зале.

В отличие от первых, вы знаете главное: чтобы производилась работа, необходим перепад либо высоты, либо денег, либо таланта, либо давления.

Когда все на одном уровне — расцвет застоя, барды в лесах, балет и плохой ресторан.

Благодаря вам сегодня на свет выходит работа, ее поиски, нахождение, вгрызание в нее и проявление себя...

Списывать не у кого, Ленина нет.

Америка далеко.

Политика становится уделом тех, кто ею занимается, раз в четыре года обещая нам счастливую жизнь под своим руководством.

Самое большое достижение, ваше и наше — люди отошли от политики настолько, что коммунисты уже никого не раздражают.

Их агитация идет не за свои убеждения, а против ваших убеждений.

А убеждений «против» не бывает.

Второе достижение — люди в России стали разными.

Это видно даже в парламенте.

Хотя круглосуточная автомашина и штат секретарей здорово отупляют.

За новую жизнь платит «откат» Россия. Это вам понятно. «Откат» Россия заплатила культурой. Культура, искусство обожают тюрьму и рассыпаются вместе со свободой.

Сейчас, чтобы петь, нужен либо слух, либо голос. А раньше — и то и другое.

Раньше читать было интереснее, чем жить.

Сейчас наоборот.

Сегодня нам пишут женщины!

По сорок романов в месяц.

Женское писательство напоминает бюро машинописи, где сидели одни женщины и оглушительно стрекотали, а им подносили все новые тексты.

Теперь подносить перестали.

Но они так же бешено стрекочут. Наши любимые.

И все такие кровожадные! По сто трупов в каждом произведении.

Вот где они раскрылись!..

Надо привыкать к новому ТВ, где не поощряется показ лета, и фонтанов, и смеющихся людей.

Это, оказывается, не любят сами люди, и по их просьбам идут ливни, обвалы, пожары и катастрофы.

Это интереснее, особенно по дороге в психбольницу.

Но не это главное.

Дорогие управляющие!

Я счел за честь выступить перед вами.

Вы новая Россия и есть.

И если перестать выть и искать плохое, я сам не понимаю,
как быстро вы во всем разобрались.

Мы были первыми, когда шли назад.

Мы стали задними, когда пошли вперед.

Теперь все дело в скорости.

Август

О той булгаковской разрухе, что начинается в головах.

Она появляется от противоречий.

Между слышимым и видимым.

При советской власти в одной голове не совмещалась счастливая жизнь с очередями, муками, тюрьмами и закупкой хлеба у капиталистов.

Сегодня в одной голове не совмещается несчастная жизнь с миллионами авто, полными магазинами и избытками зерна.

Разруха возникает от лжи, от несоответствия увиденного и услышанного.

Прежняя привела к повальному — воруй у государства, забирай свое.

Лежит — поднял.

Висит — оторвал.

Приварено — отбил.

Это была первая, булгаковская черно-белая разруха.

Сегодня мы дожили до праздничной цветной разрухи в головах.

Лозунг «Другие уже украли, мы опоздали опять» породил невиданную энергию.

Украсть у вора — задача для виртуоза. За дело взялись спортсмены, чемпионы, каратисты.

Припадок осознания «все всё уже украли» — не вмещается в голову, доводит до слез, до истерики.

Ученые — святые люди. Ничего, кроме науки.

Нет! Оказались нормальными. Родина здесь, а платят там — рванули туда, не ожидая, пока Родина очнется.

Писатели — святые люди.

Тюрьма сосредотачивает на творчестве. Тоже оказались нормальными.

Мы здесь — а деньги где?

Стали писать быстрее, мельче, короче, матом, выстрелами и плохим языком для лучшего проникновения в душу покупателя.

Поняли, что книгу читают не читатели, а покупатели.

Это у взрослых.

Юное поколение, видя блестящие журналы и блестящие авто, что им кажется признаком счастливой жизни, даже не колеблется между воспитанием и увлечением.

Вот же оно! Раньше за заборами, теперь вывалилось на тротуар.

И такое восхитительное количество трупов, такое изумительное море крови.

А еще говорят, что это жизнь, что это свобода, что за это боролись.

Вот так из одной разрухи попали в другую. Сидели в Бухенвальде, наконец с боями пробились в Освенцим.

Учитель за двадцать долларов ставит пятерку, преподаватель за пять тысяч провожает на медаль, за десять тысяч принимает в вуз.

Суд за тридцать тысяч посадит, за пятьдесят тысяч оправдает. Следователь за три тысячи обвинит, за пять тысяч отпустит.

Министр берет со всего, что происходит под ним: пять миллионов за сделку во вред стране, десять миллионов за сделку на пользу стране. Один миллион — за то, что сделка не состоялась. (Цифры вымышлены мной.)

Телевидение, время от времени заывая о зажиме свободы, добывает и уничтожает остатки приличий, остатки совести, заставляя всенародно рассказывать гадости о муже, о жене, сочиняя, выдумывая чью-то жизнь.

Это горе одинаковое, когда все можно и когда все нельзя, когда стреляют сверху, когда стреляют снизу.

Снизу палачей не меньше.

Тут кто-то затосковал о политсатире.

Мол, почему не занимаются.

Как не занимаются?

А что же делает вся страна, все газеты, все радиостанции Советского Союза?

Это сейчас самое легкое, самое приятное, самое денежное, самое безопасное занятие.

Разве сатирики наши не называли президента как угодно и даже «крошка Цахес»... И что?

Никакой реакции — ни черной, ни белой, ни всенародной.

А с другой стороны, что должен сделать президент, чтоб крошкой Цахесом не быть?..

В голове высмеивающего все-таки должен быть какой-то план, хотя бы приблизительно, чего бы ему все-таки хотелось в этой стране.

Когда с властью воюют, неотрывно ошиваясь возле нее, питаюсь из ее рук, зарабатывая на разоблачениях власти, полученных от нее же, это жутко смешно и слегка нечестно и сеет вот эту разруху в головах, о которой мы говорили выше, ниже и как раз здесь!

От власти бы ни дальше, ни ближе. А на расстоянии

вытянутой руки.

Пусть они сначала сами по капле выдают из себя рабов, постаравшись не закапать всех нижних, а потом приходят к нам.

Худший вид рабства — неотрывно смотреть на власть, страстно комментируя движения пальцев ее ног.

Полчища политологов занимаются разгадкой пальцев ног — и при этом прекрасно выглядят.

Кто их всех содержит? У кого они берут деньги на пропитание? И как нам быть внизу? И кого выбирать? И что нас ждет?..

Сегодняшняя жизнь для массового жителя распадается на три крупных раздела:

1) поездки президента;

2) август;

3) игры в буквы на деньги, где молодые крупные тепло следят за мучениями пожилого, желающего прокормиться за счет своей памяти.

А так — ничего, ничего...

Убитые лежат.

Убийцы гуляют.

Обворованные и избитые как-то живут дальше.

Август надо поименовать месяцем траура навсегда.

Это наш всенародный понедельник, наше тринадцатое число, наш месяц сбора плодов армии, авиации, флота.

Самая тяжелая задача — чтоб между трауром и праздниками была какая-то разница.

И наконец о том, что мне нравится... Человек, который под Петербургом открыл ресторан, на прибыль создал в Павловске лицей по примеру Пушкинского. Там учатся восемнадцать прекрасных юношей, они обучаются всему, чему учил Царскосельский лицей. Живут вместе, слушают лучших преподавателей, учатся музыке, языкам, дипломатии, литературе.

Зовут создателя лицея Сергей.

В этих юношах и в Сергее мне показалось будущее России, о котором они сами, вдруг, без всяких причин, подумали сегодня.

Клубится снизу

Черные клубы дыма перемещаются то вверх, то вниз.

Посветлело сверху — сразу начинает клубиться снизу.
Грабежи, убийства, погромы.

В ответ начинает темнеть сверху. Аресты, запреты, ссылки, расстрелы.

Темнеет сверху.

Чуть светлеет снизу.

Какой смысл в разбоях, если сверху все отняли.
Окончательно темно сверху.

И тут зажигаются огоньки.

Один, второй, третий.

Их тысячи, миллионы.

Начинает светлеть сверху от колеблющихся слабых человеческих огоньков, и тут наступает самое золотое время.

Когда светлеет верх и еще не темнеет низ.

Но человек долго не пытаться не может.

Он начинает пробовать вперед, вправо, влево. Кто-то, попавший случайно на кучу чего-то, пробует присвоить.

Кто-то присвоил.

Кто-то стерпел.

Кто-то еще присвоил.

Кто-то еще стерпел.

«Но ведь я же честный», — сказал он себе.

Как долго он себе это может говорить?

Допустим, пять лет.

Срок достаточный, чтоб убедиться, что он проиграл.

И он тоже начинает пробовать.

Но эти пять лет не прошли даром не только для него.

Другие с криком «Это нечестно!» расхватили остатки.

Он пару лет интенсивно носится.

Но что ему достается после семи лет отсутствия на рынке?

Тачка, кепка и собственные крики: «Па-берегись! Ноги! Ноги! Дамочка!»

Даже в подаче первых блюд ребенку мэра все занято.

Он тратит еще два года на потерю настроения, на высматривание отвратительных обеспеченных щек, и ему уже все равно, толстые они или худые.

Хотел он этой жизни или не хотел.

Он окружен врагами.

Он опускается и начинает темнеть.

А сверху, ввиду того что грязь ушла вниз, становится

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru